

Ян
Грош

ЛУЧШИЙ ДРУГ

Минск
«Колорград»
2021

УДК821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44
Г89

Грош, Ян

Г89   Лучший друг / Ян Грош. – Минск : Колорград, 2021. – 352 с.
ISBN 978-985-596-947-2.

Куда идти, когда все пути смертельно опасны? Куда идти, когда на горизонте лишь перспектива лишиться всего? «Туда, именно туда!» – ответил бы прожженный авантюрист. Братья Постулатовы далеко не авантюристы, как и их подруга. Но в условиях отчаяния и безнадежности не всегда получается думать головой.

Полное опасностей фантастическое путешествие по страницам истории послевоенной Беларуси будущего, населенной тварями всех мастей, заставит их окупиться в жестокий мир, не дающий права на ошибку. Останется только главный вопрос: ради чего стоило отправляться в это путешествие?

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 978-985-596-947-2

© Грош Ян, 2021
© Оформление. ООО «Колорград», 2021

В благодарность посвящаю
Александру Федькову

Часть 1

ЛЮДИ КАК ЦВЕТЫ

*...It's been a long
A long time coming
But I know a change gonna come
Oh, yes it will*

*It's been too hard living
But I'm afraid to die
Cause I don't know what's up there
Beyond the sky...*

Sam Cooke (альбом «Ain't That Good News 1964»)

Глава 1

Камни преткновения: долгий «карантин»

I

Пробиваясь сквозь тусклые стеклянные панели аудитории, солнечный свет бил в лицо и мешал пускать слюни на затертую эмалированную парту, частично сохранившую свой презентабельный довоенный вид. Опустив на руку раскрасневшуюся щеку, рядом сидел Яша и хлопал влюбленными глазами, разглядывая молодую учительницу философии. Она, в свойственной ей манере легкого возбуждения и волнения, рассказывала вводный курс в философию Канта. Для нее это – бесконечное восхваление старых мыслителей – было как часть жизни. Некоторых это завораживало и вызывало уважение, но большинство предпочитало прикорнуть на ее лекциях, прижавшись к твердой поверхности холодной парты.

Так же и друг Яши лежал и ловил грезы, не вслушиваясь в ее монолог, изредка прерывавшийся на кашель. Кира Васильевна принялась расписывать схемы на доске, в свойственной ей невротической манере делая размашистые, резкие линии, и, когда приходило время ставить точку, так сильно была в нужное место, что мел готов был разлететься под натиском ее руки.

Яшин друг только больше обмяк под грузом ее наполненных непонятными и заумными словами рассказов, контекст которых был ему настолько чужд, что он только больше погрузился в сон. В конце концов он задремал и противно засопел. Кира Васильевна не выдержала и сделала легкое замечание:

– Постулатов! П-поднимайся! Я что... Я учитель и имею право тебя осечь, – уточнила она, зная скверный характер провинившегося. Кира Васильевна нахмурилась и стала в позу, стараясь казаться убедительной.

Постулатов быстро поднял заспанную кучерявую голову с приклеившимися на лицо потными волосами. Красная щека горела. Еще никогда староста класса не позволял себе подобного с момента обучения, хотя он особо и не сдерживался ранее.

– Кира Васильевна, извините, – он прищурил оба глаза, прячась от дневного света. – Я как-то...

– Меня не волнует, что у тебя случилось! – почувствовав свое превосходство, повысила голос преподаватель. – Егор, если ты хочешь спать – отправляйся домой. Мне на уроке ты не нужен с таким отношением к предмету.

Староста бросил полный боли взгляд на друга, вздохнул и выдавил очередное «извините», после чего положил голову на руку и уперся взглядом в исписанную схемами и цитатами доску. Кира Васильевна откинула локон волос с лица и вернулась к теме, вся счастливо сияющая после победы. Тут произошло то, чего Егор и боялся больше всего и что в последнее время вызывало в нем неконтролируемую агрессию – завел песню сосед по парте.

Длинноволосый и меланхоличный Яша часто любил философство-

вать на уроках Киры Васильевны, но вот только рассуждения его были совсем не по теме урока. Яша неряшливо собирал эпитеты про свою учительницу, стараясь высказать воздуху вокруг все, что он думает об этой чудной женщине, наивно полагая, что Егор его слушает и соглашается со всем, о чем тот говорил. В свою очередь Егор попытался взглядом указать соседу, что пора заканчивать, но на глазах Яши лежало бельмо любви, от чего тот не замечал совершенно ничего, кроме объекта своего вождения.

Справедливости ради стоит заметить, что надежды Яши не были глупы и безрассудны. Кира Васильевна была женщина не старая – тридцать один год, – а выглядела она и вовсе на все двадцать пять. В ее репертуаре имелось все, чего хочет молодое и горячее сердце: сдержанная серьезность, игривая натура, светло-розовое тело, опыт, обстоятельность и молодежное стремление к приключениям, которое она так старательно скрывала от класса. Это подметил весь класс еще тогда, когда на очередной экскурсии всех завлекли поглядеть на макеты домов и будущую гордость градостроительства «Новой Республики», а молодая преподаватель, которая в свою очередь пыталась незаметно пробраться к одной из витрин, украла оттуда модель солдатика. Ее окутанный фанатизмом взгляд тогда явно дал всем понять, что она была настоящей авантюристкой, только вот в силу правил своей профессии не имела права показать свое истинное «я». На лице Кира Васильевна носила круглые очки, подчеркивающие ее и без того большие глаза; волосы были закручены в легкие кудряшки светло-золотого цвета, свисающие до ключиц; на правой руке, за что она не раз извинялась перед педагогическим коллективом, была от запястья до локтя большая татуировка в форме женщины, которую оплетают длинные лианы, элегантно огибая самые сокровенные места женского тела.

Так бы Яша и сидел часами, слушая ее сладкий голос, его друг бы тихо скалился от разрывающей его головной боли, но их прервал знакомый звук и мерзкий треск звонка. Звонok подействовал на каждого по-своему: окрыленный Егор скинул тетрадь в прямоугольный кейс и пулей вылетел из класса, оставив Киру Васильевну в небольшом недоумении и даже обиде, а Яша тяжело вздохнул и накинул на лицо длинные пряди, надеясь показать, что он неожиданно уснул. Ненароком оскорбив учителя, Егор вылетел наружу, твердо убежденный, что имеет право валять дурака последнюю учебную неделю, и не чувствуя никаких угрызений совести.

II

Стоя в темном и отсыревшем с годами человеческого безразличия коридоре университета правоведения и юриспруденции – БИП, – Егор нервно стучал ногой по грязному керамическому полу и в суматохе оглядывался по сторонам. Он крутил в руке подвешенную клипсу, размеченную, как шахматная доска. Будучи человеком крайне нетерпеливым, Егор почувствовал, как его начинает переполнять злость.

Пока он стоял в коридоре, отстукивая ногой какой-то нервный ритм, мимо проходили десятки необремененных интересом даже к собствен-

ному предмету лиц преподавателей и сотни витающих в облаках студентов, изредка улыбающихся чему-то или просто подшучивавших друг над другом. На Егора нахлынуло то самое ужасное чувство, когда кажется, что ты попал не в ту компанию. Хотя, справедливо признавшись себе, он понял, что это чувство росло в нем еще в начале курса и было не новым для него.

Наконец из ленивой толпы показалась высокая фигура с массивными плечами и шеей, черными волосами и черным колечком, подвешенным на леске под левым ухом. Это был парень, гордо возвышавшийся над остальными студентами. Глаза у него были строгие, но вежливые и учтивые, а под нижним веком правого и левого глаза красовались три родинки – такие же, как и у Егора (одна под правым, и две под левым). У парня были грубые черты лица с выраженными скулами, легкой щетиной и маленькими ушами. Лоб его был не очень высокий и блестящий, а губы казались белым швом на фоне красно-бежевой кожи. Этим своим качеством они создавали какую-то синергию с его морщинами постоянного напряжения на лбу.

Сам того не понимая, при виде большой фигуры Егор впал в бешенство. Ударив кулаком по голени, он взял себя в руки, как его бросило в жар. Парень с кольцом под ухом спокойно подошел к нему, достал шляпу с узкими полями из старой черной сумки и глянул на Егора, подняв по привычке левую бровь. Егор снова испытал жуткое раздражение:

– Не смей так делать, – процедил он сквозь зубы.

– Черт бы тебя побрал! – взмолился брат и засмеялся. – Да что с тобой в последние дни? Почему ты весь на нервах?

– Потому что ты надоел дразнить меня этой... этой чертовой бровью! Зачем ты это делаешь? – спросил Егор, угрожающе ткнув его пальцем в грудь.

– Это семейная привычка, наверное. Никто тебя не дразнит, – ответил брат, сжимая пачку сигарет «Огни Сан-Франциско» в кармане. – Пойдем уже, покумарим, – он подмигнул ему и довольно улыбнулся.

Уже с некоторым облегчением Егор отправился к выходу – небольшим и облезлым пластиковым дверям, – но его остановило чувство преследования. Вслед ему смотрел чей-то взгляд. Обернувшись, он заметил девушку, поверх больших круглых очков с золотой оправой рассматривающую их с братом без особого интереса. Егор, немного смущенный и раздраженный, слегка наклонил голову и вопросительно поднял бровь. Заметив этот жест, девушка захлопнула учебник в руке, опустила взгляд и гордо ушла за поворот.

– Да какого... что с ними со всеми не так? – Егор хотел подпрыгнуть и начать стучать ногами по полу что есть мочи. Его раздрало какое-то внутренне гневное чувство, словно ему было некуда деть свои руки.

Забыв о волшебных свойствах двери в университет быстро возвращаться назад, Егор толкнул ее и получил по лбу стеклянной панелью. На секунду он остановился, постоял так с полминуты, слушая тихие подшучивания по сторонам и, сам не понимая, о чем думает, оттолкнул ее

настолько сильно, что чуть с корнем не выдрал ее с петель. Избавиться от злости ему помогла коричнево-черная сигарета, быстро перекочевавшая из руки Лёши ему в зубы.

Снаружи Егора и его светло-серую рубашку облепили кучкующиеся крылатые муравьи, от ударов по которым рубашка окрашивалась в цвет желтоватой крови. Весь день мечущийся от перепадов настроения, Егор сел у фундамента одного из зданий и уставился опустошенным взглядом на другую сторону улицы, чувствуя, как в голове рос скачущий из угла в угол гномик, который долбился в стены черепа и нес какую-то несуряцицу. Внутри его все сильнее закипал чайник необоснованной злости, которая в какой-то момент напугала даже его самого.

III

Братья подъехали пару остановок на сорок втором автобусе до долгожданного трехэтажного дома, обвешанного коммунистическими флагами, литовскими гербами, плакатами с Урвиком-Рыцарем и советскими эмблемами. Они поднялись на третий этаж по старой и скрипящей лестнице снаружи дома и забрались в окно. Снизу был слышен литовский акцент женщины, что горланила какие-то лозунги старому дедушке. Тот в свою очередь изредка посмеивался и вскрикивал: «Да! Так оно будет!»

– Тетушка Твид опять завела шарманку со стариком. Одно удовольствие, конечно, после сессии слушать их. Слава богу, что они хоть ночью не горланят свою коммунистическую за-за-заразу, – негодовал и заикался Егор, сбрасывая кейс в угол комнаты, точно зная, что не прикоснется к нему в ближайшие пару дней, хотя такое решение и было довольно прометчиво.

– Ты бы поуважительнее к этим людям. Где бы ты сейчас был, если бы не они? – сказал Лёша.

Егор не обратил на его замечание никакого внимания, понимая, что брат лишь в очередной раз хочет напомнить ему об очевидном. Он развалился на огромном диване их чердака и снова закурил. С сигаретой он чувствовал себя чуть уверенней и в целом, и в спорах с братом, которые обычно рождались после учебного дня.

Смотря на плавное и однообразное течение жизни на чердаке третьего этажа здания литовских коммунистов, из удобств предоставлявшее только туалет да небольшую кухню, не отделявшуюся от остальной комнаты даже пленкой, можно и самому невольно взгрустнуть. Двум юношам, явно заинтересованным в молодых развлечениях и девушках, которых можно водить к себе домой, трудно содержать такое жилище в гармонии с собой и с окружающими, однако братьям это удавалось, частично благодаря их врожденному таланту выносить друг друга в самые непогодные дни. Егор нахмурился и закинул ноги на диван, закрыв место брату, уже собиравшемуся завалиться на протертое ложе. Лёша даже не удивился, а ткнул вилкой брата в ногу и сел на вмиг освободившееся место. Бросив пренебрежительный взгляд, Егор скинул с себя школьную рубашку, оголив торс, и завалился на бок, надеясь придумать, чем себя можно занять, кроме чтения.

Егор любил читать. Книги были чем-то вроде места, в которое ты мог убежать от окружения. Там все было чуть ярче и веселее, нежели на послевоенной улице утопленного в отчаянии Менска, поросшей мхом, за которую никто братья как не собирался, так еще пару лет и не соберется. И тут даже речь шла не о том, чтобы начать ее реставрировать, а хотя бы решить собраться начать.

Даже несмотря на эту литературную магию, Егор все равно не хотел читать. Он слишком много уделял книгам времени, а теперь хотелось чего-то другого. Интернет как на зло снова на неделю выключили, компьютерный клуб закрылся еще два месяца назад, сход «Вино и водка» в отпуске до начала каникул, пусть и оставалась неделя, а бумага и карандаш, которые могли нарисовать его идеальный мир и остановить медленную его стагнацию, совсем не лезли в руку вот уже который год.

– Ты за работу братья будешь? – спросил Лёша, дожевывая вареную картошку с солеными маслятами тетужки Твид.

– Издеваешься? – спросил Егор, чуть усмехнувшись. – Конец года, а они мне голову морочить неделю еще будут! Не дождутся! – он помедлил, а потом добавил: – Да и вообще все это дело какое-то мутное. Что-то явно не так, не находишь? Зачем мы занимаемся этим?

– А что ты хотел? Сейчас все так живут. Война никогда не была счастьем ни для кого, а послевоенное время так тем более, – отвечал Лёша, настолько спокойно и буднично жуя картошку, словно за окном не плешивый бетон и битая кладка с ввевшимся порохом по всему городу, а цветущий мегаполис.

– Эх, – вздохнул Егор, – что, и раньше было так уныло? Почему люди нарочно оставляют себя без веселья?

– Так на кой черт ты пошел на юрфак? – будто бы и не заметив последнего замечания, спросил Лёша.

– На тот же черт, на кой и ты. Куда ты еще предлагаешь? Кроме юрфака и журналистики с технарем у нас ни хрена не осталось... Сам понимаешь, что таким, как мы, к технарю на километр нельзя подходить, а в красноречии или в СМИ мы с тобой просто сами себя закопаем своей маргинальщиной. Да и кому на хрен нужен журфак в нашей-то дыре!

Оба брата громко засмеялись, грустно и с некоторой тоской вспоминая СМИ, которые смело можно было отправлять в помойку для несостоявшихся средств информации. Большой чуши, как говорил Лёша, в мире ты не найдешь. Только в белорусских СМИ.

Включив телевизор, Лёша завалился поглубже в диван и отложил тарелку.

– Про меня ты все правильно сказал, но вот ты вполне мог бы пойти в технар. Ты же всегда шарил в физике и математике и прочей научной бурде. В чем проблема была? – вдруг вернулся к теме Лёша.

– Я шарил там, потому что думал, что без них жизнь не удастся, потом понял, что это муть, которая мне абсолютно не интересна. Вот на юрфаке мы сможем хоть что-то найти, но там – никогда.

– И точно, – сказал Лёша, отряхивая штаны от кусочков картошки. – Кому нужны ученые в наше-то время.

Так и остались они голодные после своих неутешительных выводов, к которым регулярно возвращались и раньше, но всегда все оканчивалось одними и теми же словами. Лёша же, между прочим, редко когда грыз локти по поводу своей безграмотности в технических науках, но вот за факультет журналистики часто корил себя, вечно уповая на то, что без него он никогда не напишет ничего выше своего фанатичного романа «ГэлэксиГай».

Спустя часы Егор снова начал наливать краской от злости и обиды. В последнее время его угнетали какие-то мысли, смысл которых он никак не мог уловить. Единственным, что так или иначе давало пищу для размышлений, были резкие перепады постоянной рутины. Так любивший раньше помогать тетушке Твид с покупкой товаров на рынке, Егор вдруг начал чувствовать тот самый жар, когда в окно раздавался знакомый стук из двух быстрых очередей. Заслышав его, он подрывался с дивана и начинал бить себя по голени, чуть не плача. Ранее не замечая за собой этого странного чувства, Егор сидел и массировал себе виски.

Разговоры с Яшей о Кире Васильевне становились ему чуждыми и неприятными. В очередной раз сладко обкатывая ее приятные и милые стороны по стенкам разума, Егор задумывался о целесообразности сего действия и никак не находил ответа. Не так давно он просто не выдержал и оборвал фразу, забурившись носом в парту и захрапев. На следующий день он уже не мог и слова слышать на привычную им с Яшей тему, сквозь зубы сдерживаясь от того, чтобы заткнуть соседа по парте.

Самым главным, что напрягало его, был тот самый жар. Температура поднималась каждый раз, как только происходило что-то очевидное и естественное. Когда он шел в школу, открывал новую банку пива, брал в руки карандаш или садился за очередной реферат, за который ему доплачивали одноклассники, по телу бежал разряд, словно плавящий его, как чугун в домне. Тело превращалось в печь, в мгновение ока съедающую его ресурсы, но не отдавая обратно энергию, а лишь поглощая ее сильнее.

– А что там Катюша? – пытаюсь найти хоть какой-то повод оборвать просмотр сериала, который каждый из двух братьев видел не раз, начал Егор. – Все так же на последней парте?

– Ну... Да. Вчера видел ее на соседней. С последней пары, кстати, свалила.

– Да ладно? Катя-то? – ответил Егор сквозь смыкающиеся глаза.

– Да, Катя. А ты как? Валерия Семеновна все так же твои конфетки не принимает? – старший брат громко рассмеялся. Обидевшись, Егор тоже усмехнулся и потер затылок.

– Тоже мне любовных дел мастер. Зуб даю, что ты бы еще хуже с ней сладил. В конце концов, ты же видел ее? Может, Лера лесбиянка?

– Фу, не пори чепухи.

– А что фу-то? – спросил Егор. – Лесбиянки – это круто.

– Лесбиянки – это не натурально, – ловко парировал Лёша.

– Консерва ты затухшая, иди спать уже, – бросил Егор и забился голо-